

К юбилею Бахытжана Канапьянова

Поэту, прозаику, кинодраматургу и режиссёру Бахытжану Канапьянову 4 октября исполнилось 70 лет. В Германии готовится сборник стихотворений «Высокогорье» в переводе на немецкий язык именитой Евой Рённау. Это была давняя мечта Герольда Бельгера. Произведения Канапьянова звучат на многих языках мира и теперь впервые будут опубликованы на языке Гёте, что для немцев, несомненно, сделает Казахстан более понятным.

Надежда Рунде

Родился поэт в 1951 году в г. Кокшетау в семье учителей. В школу пошёл в ауле Сырымбет – родовом поместье Чокана Валиханова, состоявшего в родстве с предками поэта.

По первому образованию инженер-металлург, позже окончивший Высшие курсы режиссёров и сценаристов в Москве (мастерская Эмиля Лотяну) и Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР (семинар Александра Межирова). Работал инженером-исследователем в Институте металлургии АН КазССР, сценаристом, режиссёром, редактором на киностудиях «Казахфильм» и «Мосфильм», в издательствах Казахстана. В 1971 году состоялось знакомство с Олжасом Сулейменовым, что и определило дальнейшую судьбу молодого поэта.

– Юбилей для Бахытжана Канапьянова – это отчет перед народом, торжество или что-то ещё?

– В формате пандемии это, скорее всего, уход в себя с возможными выходами на Фейсбук, на сайты и на страницы продолжающих выходить газет и журналов. Успеха им в это нелегкое цифровое время! Нам с вами больше ничего не остаётся, как быть в замкнутом пространстве кабинета-комнаты, в онлайн-формате, с окном Windows, выходящим на балкон в мир – прекрасный и во многом противоречивый.

– «Судьба поэта – Божий знак. Стихи его – под взглядом неба...» Можете сказать, что Вы родились под счастливой звездой?

– У меня и имя в переводе означает «счастливая душа». В Париже, когда готовилась к изданию моя книга стихов в переводе на язык Бодлера и Жака Превера (мои любимые поэты по Франции), мой переводчик Тверри Мариньяк и издатель нашей с ним книги «Обратная перспектива» – «Perspective univeree» предложили обозначить автора по той самой перспективе как Жан Бахыта, мотивируя тем, что так будет ближе для французского читателя. Я согласился на эту поэтическую авантюру и стал «душой счастья». Думаю, что и не изменил желанию своих родителей, простых учителей, которые нарекли меня так, а просто переставил компоненты своего имени.

Многие из моих друзей шутят, что «душа счастья» или «счастливая душа» даёт счастье другим, то есть моим читателям. Что ж, принимаю это и в шутку и всерьёз!

– Во что Вы верили в ранние периоды вашего творчества или даже в детстве? Что Вам дает силы и вдохновляет сегодня?

– В детстве убеждаешься, что мир не завершается двором твоего дома, а наоборот пошагово раскрывается за его массивными дверями. И чем дальше куда-то ступаешь по жизни, тем занимательнее. Но твой мир начинает разделяться на мир внешний и мир внутренний, мир твоей души. Исчеза-



Фото предоставлено автором

ет раскованность детства. С годами ты убеждаешься, что уже никогда не побежишь босиком к берегу Иртыша или Тобола. Но остается память, великая память человека и человечества. Как сказал Рэй Брэдбери, «у нас остается только память. Мы вспоминаем и этим самым бессмертны и обязательно победим!»

– Как к Вам пришла идея организовать издательство и как родилось его название?

– Моему издательству «Жибек жолы» – «Шёлковый путь» тридцать лет, то есть мы являемся ровесниками суверенного Казахстана. Это большое удовольствие и, разумеется, большая ответственность – работать без идеологического диктата, без трескучей пропаганды партийно-советского образа жизни (хотя, надо признать, там жили и работали прекрасные люди XX века, со святой верой в светлое будущее, и это была страна нашего детства и нашей юности). И в этом формате бытия страну не выбирают. Все мы родом из этой страны. Издавать ту или иную книгу в современных условиях мне и многим моим современникам помогают ориентиры нравственности и воспитания, полученные от наших родителей, которые верили в нас, в наше реальное будущее, которое складывается из прошлого, а настоящего, как такового, нет, настоящее – это плазма из понятий прошлого и грядущего.

– В Германии к Вашему семидесятилетнему юбилею планируется выход сборника стихотворений в переводе на немецкий язык. Почему Вы решили посвятить его Герольду Карловичу Бельгеру?

– Пользуясь случаем, я выражаю признательность переводчице Еве Рённау за блестящие переводы моих стихотворений на язык Гёте. Особая благодарность Председателю Фонда переводов в Берлине Томасу Бровот и членам Правления

Фонда переводов Ульриху Блюменбаху и Мари Луизе Нотт, благодаря которым рукопись книги моих стихов успешно переводится. Я очень признателен Герольду Карловичу Бельгеру, нашему казахскому немцу, за его склад мышления и благородство (имел честь близко знать его многие годы), за то, что он не раз писал о моём творчестве. Мои книги выходят в разных странах. Радуюсь этому, он не раз сетовал, что в Германии до сих пор не издано ни одного сборника моих стихотворений в переводе на немецкий язык. Одним словом, заболелся о моем творчестве и хотел, чтобы оно стало известно и немецкому читателю. Потому естественно, что книга «Высокогорье» посвящена его памяти. Кстати, слово «Высокогорье» – одно из любимых выражений Герольдаага. Алматы – его город, здесь поставлен ему памятник на улице вблизи Академии наук, где любил вечерами сидеть на скамье Герольд Карлович. Это высокогорье его литературного духа, выраженного на немецком, казахском и русском языках. А Раиса Закировна, вдова Герольда Бельгера, благословила моё издание и переводы стихов на немецкий язык.

– 2021 год – год 80-летия депортации немцев. Каким-то образом сталкивала Вас жизнь с представителями этого этноса в Казахстане? Может быть, в памяти сохранились какие-то эпизоды?

– Мои родители, сельские учителя, жили в годы войны в ауле Сырымбет. Многие из аулчан ушли на фронт, а отца, как имеющего высшее образование, единственного на весь район, оставили директором трёх учебных заведений: средней школы, детского дома и интерната для детей чабанов. И вот глубокой осенью 1941 года в аул привезли депортированных немцев из Поволжья. Поселили на первые дни в ветхом сарае и в кошаре для овец. Местным жителям запретили общаться с ними (обо всём

этом мне рассказывала мама). Многие из депортированных после долгого пути были голодны и мёрзлы от суровых морозов Северного Казахстана. Мама кипятила воду, а отец вёдрами переносил её в сарай, чтобы люди могли приводить себя в порядок. Отец, несмотря на негласные запреты, взял многих из депортированных немцев учителями для школы и интерната, чтобы они преподавали домоводство, вели уроки труда и, самое главное, занятия по немецкому языку и литературе. Необходимо особо подчеркнуть, что в нелёгких буднях степного края ссыльные немцы сразу же погрузились в казахскую речь, преданья и быт. Многие из ссыльных, если не все, прекрасно научились говорить по-казахски. И эту степную речь второй родины они увезли с собой в Германию, где скучают по вольному ветру и воздуху степи, по казахским деликатесам – казы, карта, шужук.

Однажды во Франкфуртском аэропорту меня остановил немец, видимо, родившийся в Казахстане, а затем вместе с родителями переехавший на историческую родину:

– Из Казахстана?

– Да!

– А, извините, казы или шужук есть?

– Нет.

– Мать умирает, бредит былой казахской жизнью в степи. Просит, чтобы я раздобыл ей казы, которые коптились именно на кустанайско-тургайской берёзе. Здесь, во Франкфурте, большая диаспора казахов из Турции, но у их колбасы запах совсем иной. А вы из Астаны, там же, на севере Казахстана, родился и я. Қазақша білемін (знаю по-казахски). Вот мать и просит уже которую ночь, чтобы я ей нашёл казы, хочет ещё раз, хотя бы перед смертью, вдохнуть сладостный запах нашего Казахстана.

Среди прилетевших со мной был один командированный, у которого оказался небольшой кусок казы именно из тех самых мест. И когда Вольдемар (так звали нашего казахстанского немца) с благоговением взял этот крошечный заветренный кусочек в руки и, спешно обняв нас, побежал с ним к своей умирающей матери, я понял, что есть в этом мире вещи, неподвластные логике и расчёту.

– На какой вопрос Вам хотелось бы самому ответить, но Вам его никогда не задают?

– Сейчас мы живём в эпоху цифровых технологий. Передвигаемся по миру и в мыслях. Живём каждый в своём пространстве, в разных странах и на разных континентах. Но у каждого есть реальное место рождения, как и место последнего пристанища родителей и предков. Не все могут его навестить... И находясь где-нибудь в Германии, в США или Израиле, человек ведёт мышкой своего компьютера по системе «Google-Планета» в поисках своего места рождения, находит холмики могил родителей. И скупая слеза отчаянно катится на клавиатуру сквозь синий просвет монитора, унося с собой светлую печаль прошлого. Берегите себя и близких! ■